

Е.А. Сосновская

Специфика морального сознания японцев

Япония во многих отношениях страна уникальная: с одной стороны, ее культура наиболее четко отражает основные черты так называемых традиционных, восточных обществ, с другой стороны, – имеет свою оригинальную специфику, в том числе и в сфере морали. Весь комплекс представлений о человеке и окружающем мире в духовно-ценностном и эмпирическом аспектах складывался на протяжении достаточно долгого исторического периода. Географическая компактность проживания, особое восприятие народом природы и окружающего мира в целом, жесткая иерархия социальной структуры общества, синкретизм религиозной жизни являются теми основными факторами, которые оказали значительное влияние и на специфику морального сознания японцев, и на особенности функционирования морали в японском обществе.

Человек, природа, общество

Богатые, но стремительно меняющиеся природные и климатические условия, теснота добровольного проживания вынуждали японцев на постоянный поиск путей наиболее эффективного способа взаимодействия с окружающей средой. В соответствии с этой целью выстраивалась вся структура японского

этоса — и система нравственных ценностей, и религиозные представления, и социальное устройство общества. Возможно, «природный» фактор оказал на формирование японского этоса гораздо большее влияние, чем на какую либо другую культуру. Окружающий мир рассматривался японцами как гармоничное единение жизни человека с жизнью природы. Человек в японской традиции никогда не был ни господином, ни венцом природного творения, и в то же время он никогда не был и безраздельной власти сил природы. Таким образом, физическое пространство — природа, окружающий мир — для японца не тварно, а самостийно, не отделено от человека или противопоставлено ему, а слитно с ним, обожествляется им. И в традиционных, религиозных представлениях синтоизма и дзен-буддизма постоянно происходила сакрализация мирского как средства познания сверхъестественного начала. Оно не строго обособленно от метафизического пространства, а как бы приближено к нему, между земным и сверхъестественным нет четкой дифференциации. Граница между миром священным и миром явленным весьма условна, размыта. Подобное сосуществование в прямом контакте с божественным, само проживание наполовину в священном, наполовину в земном мире, конечно, оказало значительное влияние на специфику самосознания японцев.

Японскому образу мышления характерно обращение к первоначальному, внутреннему опыту человека, поэтому это всегда было скорее не теоретическое, а чувственное знание, пережитое в экстазе откровений бытия. Японцам не свойственно строго абстрактное мышление, в языке достаточно редки четкие, категориальные термины. Но в этом они видят как раз свою сильную сторону. Как пишет Д. Судзуки: «Запад слишком увлекся обобщением, что привело к уходу от реальности. Реальность в конкретном, а не в абстрактном [...] Чтобы проникнуть в глубины реальности, требуется живая интуиция, а не интеллект или чувство [...] в живой, или экзистенциальной интуиции, нет ни объекта, ни субъекта в релятивистском смысле: есть только абсолютное бытие, стоящее выше категории “того” или “этого”. Это, если можно так выразиться, абсолютное бытие,

отраженное в себе самом. Вся Вселенная является результатом проявления этой интуиции»¹. Таким образом, в японской культуре ставка делается скорее на «прямой контакт» с истиной.

В силу того, что мышление японцев конкретно, «приземленно», становятся невозможными любые отвлеченные построения о должном, о правильном, все моральные предписания будут также конкретны, причем в зависимости от каждой ситуации они могут значительно различаться. Ситуативность норм, правил морали, ситуативность поведения, пожалуй, являются одним из самых интересных моментов морального сознания японцев.

Особый взгляд на окружающий мир и действительно особый тип сознания обусловили и некоторую специфику социальной организации общества. Строгая вертикальная иерархия отношений регламентирует социальную жизнь японца. Иерархия для японца – это и есть должным образом упорядоченный космос, в котором каждый занимает принадлежащее ему по праву «подобающее место»². Японцы привыкли отождествлять досконально разработанную иерархию с безопасностью и стабильностью. Пока они оставались в известных границах и исполняли известные обязанности, то могли полагаться на свой мир. При этом правила этого мира не были абстрактными этическими принципами, эта была тонкая детализация всего, что надлежало знать человеку, будь он самурай или простой человек. Детально разработанная иерархия дает чувство защищенности, когда каждый человек знает, как он должен поступать в той или иной ситуации.

На фоне таких сложных, многослойных и подчас противоречивых культурных явлений складывается и довольно самобытное духовное сознание японцев. Слияние, не заимствование, а скорее взаимодополнение синто, буддизма, идей конфуцианства породило удивительный синкретизм духовной жизни японцев. При этом происходило не просто заимствование идей,

---

¹ Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма // Дзэн-Буддизм / Пер. с англ. В.А.Шериева. Бишкек, 1993. С. 55.

² Термин принадлежит американскому автору Рут Бенедикт, которая в своей известнейшей работе «Хризантема и меч» рассматривает понятие «подобного места» как ключевой момент для понимания японской культуры.

а тщательная адаптация, растворение, переработка под потребности и особенности своей культуры. В итоге получилась единая, стройная система понимания и организации бытия, причем как мира феноменов, мира невидимого, божественного, но при этом постоянно присутствующего рядом, так и мира вполне реального, земного.

В свою очередь, особенности восприятия окружающей природы, социальной организации, познавательной деятельности, религиозной жизни не только обусловили специфику внешних проявлений, но и заложили особый способ развития и функционирования глубинных структур японского самосознания. Духовно-нравственной основой, той глубинной структурой, на которой выстраивалась вся система этических воззрений японцев, а если говорить более широко – строилось существование всего японского общества, является синто – традиционная национальная религия японцев. Для японцев синто – это, пожалуй, даже не религия, а сама жизнь, весь окружающий физический мир и вся божественная глубина непостижимого сакрального мира. В частности, настоятель синтоистского храма М.Сонода пишет: «Это – более широкое явление японской духовной культуры ... следование которому передавалось японцами из поколения в поколение как естественный для человека образ жизни, не доходящий до потребности в том индивидуальном самосознании, которое называется верой. Выражая ту же мысль иначе, можно, вероятно, сказать, что синто – это парадигма духовной жизни, составляющая общее достояние японцев»³. Действительно, в понимании японцев это естественный и гармоничный порядок всего сущего, это естественный природный путь, существующий с незапамятных времен, которым должен следовать каждый рожденный в этой стране. Именно синто обозначило вектор развития японского этоса, обусловило адекватность и устойчивость моральных установок. Синто заложило основу духовного существования нации; общие установления по поводу того, каким должно быть общество и человек японской культуры; в свою очередь конфуцианство дополнило идеи синтоизма практической конкретизацией моральных требований, а буддизм привил япон-

³ Сонода М. Мир синто / Пер. с яп. В.Еремина. М., 2001. С. 7.

цам жесткое осознание причинно-следственной связи поступков, личную ответственность и, наконец, обосновал необходимость нравственного роста индивида.

Для японского этоса будет характерна глубокая укорененность морали в духовности. Именно в духовных основаниях японская культура будет находить поддержку и оправдание в самые сложные периоды своей истории и именно к ним будет возвращаться в поисках самоидентификации. В силу ряда причин в японской культуре никогда не происходило секуляризации религии от морали, что создает совершенно особый тип нравственно-духовного самоощущения, где переплелись традиции, заимствования, устойчивые духовные основания, подчинившие себе собственно моральные представления.

Мораль видимостей?

Система нравственных ценностей японцев содержит в себе сложную, многослойную структуру, которая привлекает внимание не только специфическим пониманием и трактовкой ценностных установок, но и устойчивым стремлением к воплощению высоких моральных идеалов в повседневной жизни. Специфику морального сознания японцев будет определять синкретизм, присущий всей японской культуре, а также ярко выраженные духовные основания. В повседневной жизни японцев главным мотивом нравственного выбора, главным мотивирующим моментом чаще всего становится не внутреннее побуждение или осознание необходимости поступка, а внешняя оценка, «что скажут люди», «как это будет выглядеть со стороны». Подобный тип культуры, американская исследовательница Р.Бенедикт⁴ называет культурой стыда, поскольку ответной реакцией на критическую оценку со стороны других людей при внешней мотивации поведения будет именно чувство стыда, в отличие, например, от европейской культуры, которая ориентированна на внутреннее осознание своей неправоты, греха, переживание чувства вины. Впоследствии в

⁴ Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры / Пер. с англ. М.Н.Селиверстовой. СПб., 2004.

культурной антропологии станет общепринятым разделение культур, предложенное Рут Бенедикт, на культуру вины (европейскую) и культуру стыда (японскую).

Стыд-*хадзи*, действительно, занимает важное место в моральном сознании японцев. Японское выражение *хадзи о сиру* (букв. «знать стыд») можно перевести как «добродетельный человек», «человек чести». То есть в японском понимании «человек чести» никогда в своем поведении не может допустить такого поступка, за который он неизбежно будет осужден окружающими людьми, за который ему будет стыдно. Он «знает стыд» и знает, что это недопустимо, т.к. этим он бесчестит не только себя, но и свою семью, страну. Важное значение, прежде всего внешней моральной оценки, проявилось и в особом понимании ответственности за поступок, например, в синтоистской традиции. Каждый член социума ответственен даже за косвенные последствия своего поступка, над которыми он не властен, если это навлекло гнев божеств на общину. Не важны мотивы, которые подвигают к свершению того или иного поступка, не важны обстоятельства, в силу которых был получен, может быть, не совсем ожидаемый результат. Японцы вообще не склонны учитывать смягчающие обстоятельства, типа «хотел как лучше», главное — результат того или иного действия.

А так как человек практически всегда находится в окружении людей, то даже в повседневной жизни японец крайне осмотрителен. Нравственный идеал, нравственные нормы поведения для японца не пустой звук. Это то, к чему стремится и соблюдает каждый член общества, здесь невозможны суждения «я считаю, что так правильно, и я буду так поступать» или «меня не интересует мнение остальных». Японцу всегда приходится следить за тем, чтобы его поступки соответствовали ожиданиям окружающих его людей. Даже дома японец не может расслабиться. В семейном общении японцы также крайне вежливы по отношению друг к другу. Дети должны быть вежливы с родителями и старшими в семье, до сих пор традиционную горячую ванну-*офуро* первым принимает глава семейства, а затем по нисходящему старшинству все остальные члены семьи и т.п. При общении с японцами европейцев часто удивляет холодность и формальность отношений между ближайшими род-

ственниками. Японцами же фамильярность в общении, впрочем, как и излишне подчеркнутая вежливость, расцениваются как неуважение, что в свою очередь расценивается как отсутствие теплых чувств у членов семьи по отношению друг к другу.

Японский писатель Ю. Мисима писал, что мораль японцев — это мораль пристального внимания к внешней стороне жизни. Человек японской культуры всегда задается вопросом: не опозорю ли я себя? Не будут ли презирать меня окружающие? Это мораль видимостей, когда выглядеть здоровым гораздо важнее, нежели быть здоровым. Казаться смелым и решительным важнее, чем быть таковым⁵. Для представителей европейского типа культуры подобное рассуждение имеет некий негативный смысл, но для японца — совсем иное значение. Как справедливо замечает А. В. Говорунов, для японца умение подчинить себя собственной воле до такой степени, чтобы управлять видимостью, — это и есть подлинное самообладание⁶. И если европеец под «видимостью» подразумевает отсутствие реального содержания, некий обман, «лишь видимость», то для японца «видимость» — это, наоборот, отражение внутренней, в том числе и духовной сущности человека.

Любое литературное произведение японских авторов содержит доскональное описание внешности и мельчайших деталей одежды. Именно поэтому в различных наставлениях нравственного порядка мы встречаем постоянно повторяющееся требование уделять особое внимание своей внешности. Так, например, одно из наставлений молодым самураям известного военачальника Ходзе Нагаудзи (1432–1519) содержит следующие рекомендации: «Даже если ты намереваешься весь день находиться дома из-за болезни или желания заняться личными делами, не забудь привести в порядок прическу. ...если тебя вдруг навестит кто-нибудь из твоих друзей и увидит, что все в доме выглядит как попало, это вызовет отвращение. Приходя на аудиенцию к господину, не иди прямо к нему. Обожди какое-то время в соседней комнате, проверь, как выглядишь ты сам и

⁵ Мисима Ю. Хагакурэ нюмон. Самурайская этика в современной Японии / Пер. с англ. А. Мищенко. СПб., 1996. С. 266–267.

⁶ Говорунов А. В. Культура «подобающего места» // Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. С. 35.

твои подчиненные, и только затем появляйся в зале для приема. Если не будешь поступать так, твои усилия окажутся напрасными»⁷. Недостойный внешний вид может дать повод окружающим составить недостаточно высокое мнение о человеке. Для человека любой культуры это обидно, а для японцев, с их повышенным чувством чести, — просто унижительно. Внешняя оценка присутствует постоянно и во всем, японец стремится создать прежде всего правильный внешний образ.

Как это ни парадоксально, но если человек лишь выглядит смелым, но таковым не является, он вдвойне достоин уважения, т.к. подразумевается, что, поставив себе некую цель (в данном случае быть смелым), он будет обязан добиваться соответствия внешней стороны внутреннему содержанию. Зачастую именно «видимость» является своеобразным механизмом нравственного самосовершенствования японца.

Но в то же время жесткое координирование поведения относительно внешней оценки, довлеющее положение внешней стороны, острое переживание чувства стыда породило интересный парадокс морального сознания японцев. Японец никогда не испытывает чувство вины или стыда даже за самый аморальный поступок, если о нем никто не знает. Пока его поступок не осуждают люди, человеку японской культуры нечего стыдиться, он не терзается внутренними переживаниями. Первыми с этой особенностью морального сознания японцев столкнулись христианские миссионеры, которые так и не смогли убедить японцев в важности и необходимости исповеди и покаяния. Для японца признание в проступке, исповедание в грехах ведет не к отвращению от них и к духовному очищению, а лишь к «потере лица», к нравственному и социальному краху.

Путь добродетели

Основная характеристика этических представлений японцев состоит в том, что они, как будто на первый взгляд не требуя и не принуждая, при более детальном рассмотрении ока-

---

⁷ Идеалы самураев / Сост. и ред. У.С.Уилсон; пер. с англ. Р.В.Котенко. СПб., 1999. С. 109.

зываются абсолютно непреложными. Моральные установки в японской традиции всегда воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, уже заданное, как следование естественному пути, который гарантирует порядок в отношениях между людьми. Так, японский толковый словарь родного языка определяет понятие «мораль» как базовое основание общественной жизни, как основные принципы поведения, которые должен соблюдать каждый человек для сохранения порядка в социуме⁸. В дословном переводе японское слово мораль — «*до:току*» означает путь добродетели. И здесь, как нам кажется, уже заложено существенное отличие японского понимания нравственности от русского или европейского — это не свод правил, а именно путь, движение по пути нравственного совершенствования. Этот путь бесконечен, и, если можно так выразиться, *ежесекунден*. Так как путь добродетели бесконечен, никто не может считать себя достигшим нравственного совершенства, поскольку такому совершенствованию нет предела.

Японская культура не устанавливает некие высокие нравственные идеалы, она как бы очерчивает бесконечно далекую перспективу возможности нравственного развития личности. Человек японской культуры в своем нравственном росте может двигаться быстрее, медленнее, но он не может быть вне этого пути. Проступок, преступление расценивается как отклонение от верного пути, и если человек вовремя не осознал этого и не вернулся на путь добродетели, то его дальнейшее существование не представляется возможным. Существование вне морали невозможно, т.к. это подрывает устои общества, ведет к хаосу.

Второй иероглиф слова мораль «*току*», помимо значения «добродетель», имеет еще одно смысловое значение — «быть благодарным, ценить». На наш взгляд, именно второе смысловое значение наиболее точно отражает специфику понимания морали, присущее японскому обществу. Нравственное существование, путь добродетели — это именно *путь благодарности*. Чувство благодарности будет пропитывать японский этос, будет являться основой отношений между людьми.

⁸ Идеалы самураев / Сост. и ред. У.С.Уилсон; пер. с англ. Р.В.Котенко. СПб., 1999. С. 109.

Как уже отмечалось выше, формирование системы нравственных представлений японцев шло под влиянием идей синто, конфуцианства и буддизма. Каждое духовное основание оказало серьезное влияние на отбор и формирование элементов структуры морального сознания японцев. Синкретизм прослеживается и в содержании практически всех наиболее значимых моральных понятий японского этоса.

Сама же структура моральных представлений японского этоса представляет собой не столько совокупность уровней, а скорее некую целостность, где все взаимосвязано и где каждый элемент получает смысл лишь в особой связи с другими элементами. Для этической системы японцев именно характер связи, способ соподчинения элементов гораздо важнее, чем содержание того или иного отдельного элемента.

На протяжении всей своей истории японское общество последовательно выделяло и культивировало нравственные нормы, необходимые для эффективного выживания и существования общества. Но абсолютно все значимые понятия японской морали, а именно честь, преданность, благодарность, человеколюбие, стыд и т.д., объединены стержневым нормативным принципом, который и будет скреплять все части структуры этических представлений японцев в единое целое. Таким генерализирующим началом, структурирующим и охватывающим все сферы японского этоса, на наш взгляд, является понятие «долга».

Категория долга не только связывает все главные элементы морального сознания и является неким обобщением, символом целостности, но и наиболее полно отражает ценностную ориентацию нравственного сознания японцев. Долг является той всеобъемлющей, базовой категорией, на которой строится вся система ценностей японского общества. Все основные моральные понятия японского общества в той или иной мере связаны с понятием долга (проистекают, либо подкрепляют), занимая по отношению к нему как бы побочное, служебное положение. Так, например, долг рассматривается как более конкретное выражение и в то же время высший закон человеколюбия. Напрямую с долгом связаны такие понятия, как преданность, благодарность, честь, а проявление долга осуществляется в нормах поведения.

Долг в японской этической традиции

Японец всю свою жизнь выстраивает в соответствии с теми или иными обязательствами, или отношениями долга. Понятие долга гармонизирует отношения в обществе, стимулирует нравственную жизнь японцев. Поступок, его мотив, цель рассматриваются не относительно какого-либо морального абсолюта, а относительно требований взаимных обязательств, того круга отношений, в котором он совершается. В японской традиции долг рассматривается не только как основной скрепляющий элемент всей этической системы, но и как необходимое моральное основание существования человека на земле.

В процессе любых отношений человек японской культуры невольно или сознательно вступает в отношения, при которых берет на себя какие либо обязательства — долг.

В силу иерархического видения мира категория долга имеет не только довольно сложную структуру, но и приобретает первостепенное значение для всей системы японского этоса. Как пишет в своем исследовании Р.Бенедикт: «Человеку в культуре подобающего места неведомы нравственные терзания, связанные с мучительным выявлением собственного права на тот или иной поступок (как героям Достоевского). Главное, чтобы хватило силы духа и решимости выполнить долг, а уж сам долг давно определен»⁹. Для нравственного самосознания японца долг не просто одна из категорий этики, это то, на чем основана вся структура морального сознания народа.

Долг — многогранное понятие. Это может быть долг-обязательство: *он*, который приобретается самим фактом своего рождения и пребывания на определенной территории, *он* перед императором, именуемый *тю*, или *он* перед родителями — *ко*. Есть долг перед родиной, семьей — *гиму* и долг, приобретаемый в процессе взаимоотношений — *гири*. Таким образом, жизнь человека состоит из нескольких, сравнительно независимых кругов, регламентированных с точки зрения того или иного содержания долга. Например, «круг *тю*», «круг *ко*», «круг *гири*». При такой организации морали человек судит о ближ-

⁹ Бенедикт Р. Указ. соч. С. 22.

них не с точки зрения целостности личности, а с позиции того или иного круга, указывая, на то, что они не знают своего *ко* или своего *гири*. В результате жизнь для японца — не извечная борьба добра и зла, а скорее вопрос балансировки требований, предъявляемых разными кругами. А самая страшная нравственная дилемма происходит при конфликте между требованиями разных кругов.

Именно поэтому вся шкала ценностей, так или иначе, соотносится и выстраивается в зависимости от того *он*, *гири* или *гиму*, который должен исполнить человек. Структурированность общества по вертикали требовала определенных механизмов общения, поэтому именно жестко субординированные общественные отношения в японском обществе породили разветвленную сеть обязательств. Каждый человек, занимая определенное место в иерархической системе японского общества, вступая в любые отношения, автоматически принимал на себя или накладывал на другого некие обязательства. Выполняя роль несущих конструкций, все обязательства в японском обществе являются добровольными, но выступают в качестве подлежащих безусловному осуществлению. Безусловность выполнения никогда не гарантировалась путем мер контроля и наказания, это было скорее внутреннее осознание необходимости поступка.

Рассматривая значение и место категории долга для японского этоса, неизбежно задаешься вопросом: почему долг так остро, иногда просто болезненно воспринимается японцами, почему исполнение долга зачастую для человека более значимо, чем собственная жизнь? Почему, казалось бы, такой пустяк, как, например, поднятая унесенная ветром чья-то шляпа, оказавшаяся у ваших ног, автоматически воспринимается как некое благодеяние, требующие обязательного возмещения? Вероятнее всего, на подобное восприятие долга большое влияние оказали корпоративность социального устройства и ориентация поведения относительно внешней оценки. Занимая определенное место в социальной иерархии, японец должен всегда проявлять осмотрительность как в отношениях с вышестоящими, так и в отношениях с нижестоящими. Только неукоснительное соблюдение всех отношений-обязательств поз-

воляло сохранить свое место либо продвинуться вверх по иерархической лестнице. В противном случае человек мог стать изгоем, ведь с потерей обязанностей он теряет и все права!

Жизнь любого японца — это сложная сеть взаимных обязательств, и, конечно, в такой ситуации человек старается всячески избежать дополнительных обязательств, со стороны случайного человека. Ведь нельзя знать заранее, что может потребовать взамен за свою услугу новый знакомый. Не будет ли долг перед ним противоречить старым обязательствам? Европейцы часто говорят о замкнутости, холодности японцев. Даже современный японец не бросится на помощь незнакомому человеку. Нет, они совсем не черствые люди. Это будет сделано, вернее «не сделано» из лучших побуждений к пострадавшему, чтобы не поставить его в неудобное положение, не навязать ему отношения долговых обязательств.

Система вертикальной организации японского общества со сложной системой взаимных отношений обусловили сложную, многомерную структуру понятия долга. Попробуем выделить основные категории долга.

В русском языке мы употребляем слово «долг», и когда говорим о моральном долге, и когда имеем ввиду отношения связанные с материальной задолженностью. Говорим ли мы о долге перед отечеством, или о материнском долге, или о долговой уплате мы всегда употребляем одно и то же слово — «долг». Для нас, несмотря на существующую смысловую дифференциацию в зависимости от употребления, это слово несет единую смысловую нагрузку. В японском языке нет такого универсального слова, которое бы имело обобщенное значение понятия долга. Так как мышление японцев тяготеет к конкретному восприятию и освоению мира, то и каждое конкретное явление моральной жизни получило свое название. В японском языке есть более десяти слов обозначающих тот или иной вид долга: *гиму*, *цутомэ*, *хомбун*, *хомму*, *гири*, *нимму*, *секинин*, *он*, *секусэки* и т.д. Эти слова не являются синонимами, каждое обозначает конкретный вид долга. По смысловому употреблению слова можно разделить на три группы: слова, обозначающие служебный (связанный с работой) долг, который подразумевает исполнение своих обязанностей на работе, нравственный долг и долг в значении денежной задолженности.

Служебный и денежный долг подразумевает лишь честное исполнение своих обязанностей, в первом случае по отношению к работе, во втором – в деле возвращения денежной задолженности. В случае возникновения какой-либо проблемы, личной подоплеку в данных отношениях ее рассмотрение автоматически переходит в компетенцию нравственного долга.

Понятие долга в японской культуре представляет собой очень интересную структуру. С одной стороны, мы достаточно четко можем выделить разновидности долга, такие как *он*, *гири*, *гиму*, но вместе с тем все они являются лишь отдельными элементами единого, комплексного понятия, наполняющего смысловым содержанием все составляющие японского этоса. В каком же структурном соотношении находятся эти элементы? Известный японский культуролог К.Като приводит очень наглядное сравнение структуры категории долга со строением яйца. В одной из своих работ он писал, что подобно тому, как у яйца есть сердцевина-желток, слой белка и внешняя оболочка-скорлупа, мы точно также можем выделить разные уровни понимания категории долга¹⁰. Если опираться на предложенный образ, то ядром будет долг-*он*, который будет выражаться в переживании глубокого чувства благодарности за то или иное благодеяние. Осознание долга как обязанности, как отношений зависимости от кого-либо в силу совершенного благодеяния, будет представлять собой следующий смысловой слой понятия долга. Такой долг также именуют *он*, но, что очень важно, довлеющим здесь будет чувство обязанности, а не чувство искренней благодарности. Сюда же, как нам кажется, можно относиться и долг-*гиму*. Самым поверхностным слоем, «скорлупой», то, как осознается долг японцами в повседневной жизни, является долг-*гири*.

Долг-*он* является ядром японского понимания категории долга, а если говорить более широко, то и системообразующим началом всей системы взаимоотношений в обществе. Иероглиф, обозначающий долг-*он* состоит из двух частей: элемента,

¹⁰ Като Киичи. Моноготари но нака но сякай то айдентити (Общество в отображении художественной литературы и самоидентификация) // Интернет-версия: <http://www.ritsumei.ac.jp>

обозначающего причину, основу, отправную точку, и расположенного над ним элемента, обозначающего сердце, душу. Настоятель буддийского храма Екояма Гэнсю в своей статье пишет: «Если вдуматься в смысл этого слова, исходя из составляющих его элементов, то можно обозначить его как действия, основания которых объясняются велением сердца. В чем причина всего происходящего? Как должно поступать? Ответы на эти вопросы надо искать глубоко в сердце. Это благодарное сердце, которое помнит все сделанное для него»¹¹. Как нам кажется, *он* определяется в японской культуре как одухотворяющее начало моральной сущности человека. Это основа, которая поддерживает существование человека как личности, определяет моральную сущность человека.

Японцы достаточно часто в повседневной жизни используют слово «*он*», называя оказывающих им благодеяние людей «мой человек *он*», в устойчивых оборотах речи, выражая благодарность, сожаление за причиненные неудобства. Но, что очень важно, подразумевается, что в каждом случае японец испытывает искреннее чувство благодарности. Благодарность, как чувство обязанности и уважения к другому человеку за оказанное благодеяние, в японской культуре является смысловым содержанием и выражением долга-*он*. «Долг-*он*, — пишет А.Сакаи, — начинается там, где один человек совершает по отношению к другому какое-либо благодеяние, а получивший его человек, испытывая чувство глубокой благодарности, считает необходимым отблагодарить в ответ»¹².

Важное значение благодарности как обязанности, как морального чувства сложилось в силу традиционного характера японской культуры. Церемониальный обмен дарами, когда подарок всегда предполагает ответное действие, ответный дар, обязательность взаимных услуг характерна всем восточным, традиционным обществам. Например, Конфуций подобную взаимность отношений считал принципом, которым нужно

¹¹ Екояма Гэнсю. Сион но тайсэцуса (Важность долга) // Интернет версия: http://www.rinnou.net/cont_04/rengo/2006-02.html

¹² Сакаи Ацутаро. Он (Долг) // Сякайкагаку дзитэн (Словарь общественных наук). Токио, 1968. С. 356.

руководствоваться всю жизнь. Но японская культура отношениям благодарности придает возвышенный, этический смысл. Долг-*он* обуславливается лишь искренней благодарностью, которая воспринимается как специфическая обязанность. Долг-*он* – это такая обязанность, которая не предполагает никакого права у благодетеля на ее получение. Но в то же время отсутствие этого права не освобождает получившего благодеяние от обязанности благодарности. Логично сделать вывод, что т.к. вместе с благодеянием человек обрекается и на благодарность, благодеяние может восприниматься и как бремя. Но истинный долг-*он* отличается от всех остальных как раз искренностью испытываемого чувства благодарности. Если вместе с чувством благодарности человек испытывает чувство напряженности, то это будет уже долг-обязанность, исполнение которого также обязательно, но уже не несет такой высокой моральной оценки. При этом долг-*он* и долг-*гиму* являются обязанностями, которые рассматриваются как долженствования, детерминированные внутренним побуждением, хотя и не без воздействия некоторой внешней мотивации. Долг-*гюри* является долгом-обязанностью в его узком значении – как форма долженствования, требующая от лица строго определенных действий.

Долг-*он* обозначает сферу должного вообще. По своему значению он наиболее близок к русскому слову «долг», но лишь в определенных ситуациях, например, когда необходимо выразить обобщенный смысл понятия долг при переводе работ европейских авторов. *Он* в японской культуре – это совершенный долг, который не допускает никаких ограничений со стороны других обязанностей. Из всех других обязанностей, которыми на данный момент обладает человек, долг-*он* будет самым важным, требующим выполнения обязательств в первую очередь. Но часто возникает проблема, которая заключается в том, что человек может одновременно обладать несколькими обязательствами *он*.

Долг-*он* неоднороден: его можно разделить на долг-*он*, приобретаемый в общении и приобретаемый самим фактом рождения и пребывания на территории Японии. И в том и в другом случае *он* – это долг с большой буквы. К *он*, приобретаемому человеком при рождении, можно отнести долг перед родителями-

ми; долг перед императором, а в современном истолковании это скорее долг перед своей страной; долг перед предками и божествами, которые оберегают и защищают человека и долг перед всеми живыми существами, который должен выражаться в почитании Будды и его законов. Синкретизм, присущей японской культуре, ярко проявился и в понимании категории долга. Долг перед императором, перед своей страной берет начало в конфуцианстве, долг перед духами предков за существование человека является отображением основных синтоистских установлений, а долг перед всем окружающим миром надлежит исполнять путем почитания буддийских законов.

Что касается долга, приобретенного в течение жизни в результате общения, то достаточно четко выделяется долг-*он* перед учителем и долг-*он* перед господином, в современном варианте – перед вышестоящим лицом. *Он* – это обязательства, которые не берет, а скорее автоматически получает человек, вступая в тот или иной контакт. Но здесь необходимо сделать одно уточнение. Долг-*он* приобретается не во всех контактах человека. Японец испытывает чувство долга-*он* лишь в отношениях с уважаемым человеком, старшим по возрасту и положению. Более того, подобные обязательства должны обязательно исполняться с чувством искренней благодарности.

В обыденном употреблении слово *он* употребляется достаточно часто, например, вступая с кем-либо в отношения, японец называет его «мой человек-*он*», есть в японском языке и множество устойчивых выражений благодарности, которые дословно переводятся как «я принимаю *он*», или «я теперь ваш должник». Но в данном случае речь идет скорее об употреблении в общем, собирательном значении долга. Здесь как бы фиксируется осознание своего нравственного долга по отношению к исполнению тех или иных обязательств.

Долг-*гиму* обозначает сферу конкретных обязательств, которые надлежит выполнять человеку. И если в долге-*он* акцент делается на благодарности и его часто характеризуют как долг благодарности, то долг-*гиму* настаивает на безусловности исполнения своих обязательств. Долг-*гиму* подразделяется на долг перед императором и долг перед родителями и предками. Долг-*гиму* также расценивается как безграничный, бесконечный, а

потому неоплатный долг. Но, в отличие от долга-он, в понимании долга-гиму безграничность и неоплатность жестко увязывается с обязательностью не только его признания, но и исполнения до последнего дыхания человека.

Долг-гюри — чисто японская категория, не имеющая аналогов в этике других культур. Можно сказать, что гюри — это долг с точки зрения конкретно выверенной выплаты. Долг-гюри, чаще всего, возникает там, где довлеет необходимость в совместном общении. Исполнение долга-гюри необязательно должно сопровождаться чувством благодарности. В современном японском обществе гюри все чаще стало обозначать некие отношения по принуждению, а не по доброй воле. Гюри — это то, что вы должны сделать по отношению к другим людям, хотя бы вам это и было неприятно¹³.

Гюри может быть перед миром — перед родственниками, вышестоящими, перед людьми, с которыми вы связаны в результате тех или иных отношений. И гюри перед своим именем, которое включает обязанность человека защищать свою репутацию от оскорблений или обвинений, соблюдать японские порядки. Как нам кажется, такая разновидность как долг-гюри появляется в результате устойчивой склонности японской культуры к структурированию, которое выразилось в стремлении упорядочить, конкретизировать и классифицировать все явления, в том числе и нравственного порядка, происходящие вокруг них. Только японцы, с их особым складом ума, могли испытывать необходимость в создании целой системы правил с четким разграничением степени и интенсивности исполнения обязательств.

Долг в японской культуре охватывает, без преувеличения, все человеческие отношения, формируя совершенно особую структуру морального сознания. Человек одновременно оказывается втянутым в сравнительно независимые круги обязательств. В каждом круге отношений есть свои правила и свои требования. В результате происходит оценка человека не как целостной личности, а с точки зрения круга того или иного дол-

¹³ Синмэйкаку кокуго дзитен: (Новый толковый словарь родного языка). С. 360.

га. Жизнь японца — это постоянное балансирование между требованиями отношений того или иного долга. Здесь нет необходимости во всеобщих моральных заповедях. Самой тяжелой нравственной дилеммой является конфликт между требованиями разных долговых отношений. Поступок расценивается не с точки зрения морального абсолюта, а относительно требований взаимных обязательств, того круга отношений, в котором он совершается.

Японское общество — это специфический тип социума, для морального самосознания которого характерно отсутствие в нравственной жизни различия между реальным и идеальным, поэтому японцам в целом присуща высокая степень совпадения моральных требований и реального поведения. Нравственные представления японцев — это целостная и эффективно функционирующая система, существование которой возможно только в пространстве японской социокультурной традиции. Устойчивость японской морали, ее уникальность и исключительная жизненная сила заключается в том, что она в высочайшей степени детерминирована своеобразной духовностью японцев, оригинальными особенностями их ментальности.